

Нати́к РАСУЛЗАДЕ

Народный писатель

(Продолжение. Начало в №5,6)

Выйдя от матери, он, неожиданно для самого себя, пошел на Приморский бульвар, будто сами ноги бессознательно повели его. Он теперь не удивлялся подобным вещам, почти привык к ним, память ног и рук, память тела порой казалась сильнее обычной памяти, когда он силится что-то вспомнить и не мог. Что я здесь делаю? - удивился он, глядя на море, на развороченный асфальт, на груды мусора - следы доморощенного долгостроя. - Зачем я сюда пришел? Давно не был... Давно? Как же так? Я ведь тут почти два в неделю прохожу, по набережной...

Ночь он провел за игрой в каком-то подозрительном полуподвальном помещении, заваленном ящиками, с характерным запахом погребов - отовсюду пахло винными бочонками, хотя ничего подобного и в помине не было. Впрочем, компания игроков в покер абсолютно не вписывалась в виду в этот притонного вида полуподвал, играли вполне солидные люди. Здесь он впервые, едва успев удивиться, обнаружил в себе явные признаки карточного шулера. Но вскоре выяснилось, что был он таким далеко не в гордом одиночестве: собравшиеся за игрой за грубым неотесанным столом, даже с расстояния пушечного выстрела не напоминавшим карточный, один другого стоили. Игра шла с переменным успехом. Но к утру он все-таки был в выигрыше, хоть и небольшом. Когда уже расходились, один из игроков отозвал его в сторонку и, проведя за нагромождение непонятных ящиков, негромко произнес: - А я ведь узнал тебя. Ты его брат. Близнец. Разве не так? То-то я слышал, что Азад недавно умер в больнице.

- О чем ты говоришь? - сказал он. - Я не понимаю.

- Прекрасно понимаешь, - рассердился игрок. - Я видел вас вместе несколько лет назад.

- Ну и что?

- А то, что ты выиграл у меня полтора куска зеленых, - игрок вдруг вытащил из-за спины пистолет и приставил дуло к его животу. - Если хочешь, можешь договориться без шума.

- Нет, хочу с шумом, - сказал он, глядя в глаза игроку. - Я свой дома оставил, но в следующий раз обязательно захвачу. И тогда не буду долго разговаривать, сразу прострелю тебе кишки, мудовон.

- Пошел ты!.. - взъярился игрок, но убрал, а несколько секунд погодя и сам убрался, оставив его в покое.

Кончились сорокадневные поминки по Азаду, и теперь мать частенько оставалась одна, если не считать, что время от времени навещали ее сестры, изредка оставались ночевать, помогали по дому, поддерживали морально - она еще не пришла в себя после обрушившегося на нее горя, и теперь, после сороковин, когда сразу прекратились визиты, она остро почувствовала себя одинокой, ко всем бедам прибавилось еще несчастье с сыном, у которого, как все теперь считали, было неладно с головой. Так и жене его сообщили, в Москву. Он теперь часто звонил, чаще, чем обычно, заходил домой. Однажды зашел и взял из тайника пистолет, но сидел его повсюду с собой.

Через четыре дня он с двумя поделниками ограбил магазин. Его уговорили те двое приятелей, зная его безрассудную смелость и неумение отступить с полпути, какое бы дело он ни выбрал; он сначала отказывался, все-таки он игрок, а не грабитель, но магазин - черт его дернул - сам плыл в руки: ночью никакой охраны, пустынная улочка, с замком ребенок справится, а товары только привезли - навалом. Сначала он подумал даже, что-то все слишком легко получается, не ловушка ли это? Но приятели

Б Р А Т

оказали ему, что это исходит от безалаберности хозяина, который длительное время собирается поставить надежную железную дверь, да так никак и не соберется, пока гром не грянет, вот они ему и помогут, чтобы он перекрестился. Один из поделников имел хорошее, надежное помещение для временного хранения товара. Одним словом, все решительно сходилось - надо было брать магазин, грех упускать такую возможность. Дело для него было новое, и хотелось попробовать, хорошее, рискованное дело, для настоящего мужчины. Короче, он дал себя уговорить без особого труда. Все обмозговали и начали действовать: угнали заранее облюбованную машину, тихо, в два часа ночи, вскрыли магазин, перевезли товар и сложили на складе до поры, пока не найдется оптовый покупатель. Потом отмечали его первое дело. Целку тебе сломали, шутили поделники, теперь сам будешь проситься - не возьмем.

И опять звонила Маша из Москвы.

- Что же это такое происходит? - жаловалась она его матери. - Ведь он был такой хороший, скромный, настоящий труженик, с утра до вечера на работе, хороший муж, хороший специалист, - заикнулась она на одном и том же, чуть не плача, - разве что детей у нас не было, так что же, мы только три года, как женаты, и разве нельзя было по-человечески сказать, что я недовольна тем-то и тем-то?.. А то, что вы говорите, что он теперь болен, простите, меня не убеждает, у него не было никаких предпосылок к подобной болезни, я тут советовалась со знакомыми психиатрами... она вдруг, не сдержавшись, заплакала громко. - Но что же, господа, что с ним происходит? Ведь это страш-

но... Ведь он никогда не любил такой безалаберной, божественной жизни, был домосед, ведь это не его жизнь, которую он сейчас ведет, вы же должны знать... Что с ним творится? Кто это, кто с ним такое сделал?!

Бедная женщина ничего не могла ей ответить, только успокаивала ее, чувствуя, как тяжело ей даются слова успокоения, сама она гораздо больше нуждалась хоть в какой-то ясности, определенности насчет своего сына.

Все-таки Маша не собиралась так легко отказываться от мужа. Как-то приехала как снег на голову - без звонка, без телеграммы - с одной лишь небольшой сумкой: белье, минимум вещей, самых необходимых, но с твердым намерением не уезжать отсюда без мужа или, по крайней мере, убедиться, что случай с ее Футиком и в самом деле неслыханно тяжелый и придется ей отказаться от него. Она поспешно свекрови, которая была ей по-настоящему рада, что ни говори, они ведь были сейчас сестры по несчастью и понимали друг друга с полуслова. Несколько дней она жила у свекрови, безрезультатно ожидая его звонка или прихода, но эти дни как раз совпали с горячей порой в его деятельности: реали-

- Здесь целая орава родственников, - проворчал он, немного успокаиваясь и проходя в комнату матери, - которым, кстати, она часто помогала деньгами благодаря мне, между прочим... Могли бы теперь и вспомнить хорошее, чтобы не прибегать к услугам невестки из ближнего зарубежья. Правильно я говорю?

Маша, бессловесная, шла следом за ним.

- Так, - сказал он, оборачиваясь к ней. - Я смотрю, тебе что-то от меня надо. Угадал?

- Да, - сказала она. - Мне надо вернуть тебя.

- Вернуть куда?

- Послушай, - сказала она заметно волнуясь, ломая нервно пальцы, и тут вдруг замолчала и долгим взглядом поглядывала на его мать. Та лежала в постели, заметив на себе взгляд невестки, прикрыла глаза и чуть отвернулась, словно давая, зная, что не будет вмешиваться в их разговор, она слишком слабо чувствовала.

- Ма, - тихо окликнул он мать. - Как ты, ма?

- Ничего, - выдавила она из себя, не открывая глаз. - Теперь лучше. Если хотите, пройдите в другую комнату, поговорите, - у нее по привычке чуть не сорвалось с языка - в комнату Азада, но она вовремя сдержалась: непонятно, как бы отреагировал на это ее сын.

Маша взяла его под руку и отвела в другую комнату.

- Пойдем, пусть она поспит, - сказала Маша. - Пусть отдыхает.

Когда они вошли в комнату Азада, она прикрыла двери, мельком глянула на диван, на котором спала эти ночи, и сказала: - Только дай мне высказаться до конца, не перебивай и не убегай, прошу тебя, - она взволнованно перевела дух. - Я для этого разговора прилетела специально из Москвы, выслушай меня.

- Хорошо, - спокойно ответил он. - Я буду молчать. Хоть ты меня и раздражаешь.

- Послушай, - она немного помолчала, собираясь с мыслями, что бы начать с самого важного, чтобы он не мог уйти, не дослушав ее, но разговор с ним, тысячекратно прокручиваемый в голове в последнее время, как раз сейчас вдруг от волнения, что она видит его и наконец-то может поговорить, вылетел из памяти. Она постаралась взять себя в руки.

- Я хочу тебе добра, ты веришь мне? - Мне отвечать? - спросил он, не дожидаясь от нее продолжения.

- Да.

- Верю, - ответил он, немного подумав. - Потому что с чего бы тебе желать мне зла, я тебе ничего не делал плохого.

- Так вот, поверь мне, поверь, милый, с тобой происходит что-то очень странное. В Москве я проконсультировалась с психиатрами - все говорят, что медицине такой случай неизвестен. Ты возмнил себя... нет, прости, не то я сказала... ты перевоплотился... нет... короче, ты думаешь, что ты - твой покойный брат-близнец, что ты Азад, а не Фуад, как раньше...

- А, - открыл было он рот, чтобы возразить, но она остановила его нетерпеливым жестом.

- Ты обещал выслушать до конца. Так вот, сначала я не понимала, думала, ты что-то задумал, что ты хочешь просто бросить меня, избавиться от меня, ты же знаешь, у женщин на уме только то,

что касается непосредственно их самих, думала, что ты, ну, притворяешься что ли... Вы с твоим братом люди по характеру очень разные, ты - тихий, скромный, не любил шумных компаний, трудно сходился с людьми, твой брат - царство ему небесное - прямая твоя противоположность, его знает вся шантрапа и все проститутки в городе, потому, наверно, он и не женился до тридцати лет, он не был по натуре домоседом, семьянином, как ты, не мог жить с женой, любить... Вспомни, как ты был рад, когда устроился на работу в совместное предприятие с турками, как мы отмечали это событие в узком кругу друзей, помнишь, Тихомировы приезжали, Тая с Алексеем, как ты возил меня показывать эту строительную фирму в Сокольниках, и у меня каблук на ботинке отлетел, и ты отправил меня домой на такси... - она всхлинула... - Я за тобой скучаю, милый...

...Тут он отметил про себя, что она неграмотно выразилась, но вовремя спохватился, что делать замечания по поводу лексикона - это из репертуара начитанного Фуада, и не стал ее поправлять...

- Нет, я не то хотела сказать, все это не то... - продолжила между тем она, со страхом заметив поскуцневшее вдруг выражение его лица.

- Я должна вот что... Меня предупредили, что есть один вариант, чтобы ты мог вспомнить все, вспомнить себя, ты, твое тело должно вспомнить меня, - она сбросила с себя платье и, голая, подошла к нему вплотную, обняла, прижалась к нему всем телом.

- Ты... Ты с ума сошла! - он испуганно отстранил ее от себя и воровато оглянулся на дверь.

- Что ты себе позволяешь?! Ты - жена моего брата... Ах ты, шлюха!..

* - Молчи, - она, готовая к такой реакции, нежно прикоснулась к его губам пальцами. - Обними меня и молчи.

Через полчаса, когда они одевались, она, глядя на него, с тревогой сказала: - Ты никогда не был таким.

- Каким?

- Ты был как зверь, как животное...

- Но ведь тебе это понравилось, признайся.

- Да, - сказала она. - Понравилось. Очень.

- Но даже после этого я не Ипполит, - вспомнил он, дурасча, фразу из популярного фильма Рязанова. - Да, - вздохнул он, натягивая через голову рубашку, - не думал, что наставлю рога родному брату...

Тогда она заплакала, безудержно, тихо, горько заплакала, понимая, что уже не остается никаких шансов и она потеряла его безвозвратно.

- Постой, - сказал он, не зная, как ее утешить и надо ли вообще утешать.

- Погоди. Я тебе сейчас все докажу.

- Он стал снимать уже надетую рубашку.

- Скажи мне, у Фуада на спине был шрам? Большой выпуклый шрам между лопаток? С детства остался... А?

- Нет, - сказала она, утирая слезы.

- Нет.

- Ну так вот, смотри, - он стал перед ней на колени, нагнув голову, чтобы ей было удобнее видеть.

- Что скажешь?

- Да, - сказала она, прикрыв глаза и проводя рукой по гладкой спине его. - Вижу. Большой, выпуклый шрам... - и снова, хоть и сдерживала себя, горько заплакала.

Порой невольно охватывали его непонятные, сентиментальные чувства, которые, сколько себя помнил, он только презирал, и появление их изумляло его; он ловил себя на том, что начинает мечтать, но не так, как обычно мечтают, о будущем, а мечтает о прошлом, строя его заново и думая, как бы могла обернуться его судьба, если б он своевременно предпринял те или иные шаги и пошел бы по другому пути, чем тот, что был избран лет десять-пятнадцать назад... Мечтал он страстно, весь отдавался грезам, забывшись как во сне; заставляли его эти грезы порой в самое неподходящее время и в неподходящем месте, поэтому он не на шутку взволновался, но как человек физически здоровый, не болевший до сих пор ничем серьезным, непривычный к болезням и ненормальному биологическому состоянию, махнул по здравом размышлении на это рукой; еще чего, будет он возиться, обращать внимание на всякую муру. Но иногда он серьезно задумывался, как могла бы сложиться его судьба, если б он, например, женился, если б он женился на такой, скажем, как Маша, жена Фуада, были бы у него дети, уже могли бы быть большими, подростками, а он бы работал в поте лица где-нибудь в спокойной конторе, на каком-нибудь предприятии, приносил бы деньги домой, жене, ощущал бы приятную усталость после работы и сознание выполненного долга, лежал бы на диване с газетой, смотрел бы телевизор, всякую муру, рассматривал бы дневники детей и мягко журил бы их за сниженную успеваемость по какой-нибудь географии, а жена бы сидела в кресле, что-то вязала, и свет от торшера, зеленый, приглушенный, падал бы на ее лицо, готовое улыбнуться... Он тревожился, когда ловил себя на подобных мыслях. Что это со мной, размягчение мозга, что ли?... Это на Фуада похоже, оставим ему всю эту ахинею... Нечего херней заниматься, мне сосредоточиться надо, собраться, предстоит важное дело, думал он.

Встреча была короткой, деловой, все уже заранее оговорили: он со своим другом должен был выбить долг у одного хмыря, который вот уже год не отдавал деньги, взятые на два месяца под проценты. Прихватили с собой, естественно, и хозяина денег. Долга накрутилось ни много, ни мало на тридцать четыре тысячи долларов. Договорились так: хозяин получал свои десять тысяч - деньги, отданные год назад, возвращали ему без всяких процентов - и отваливал, радостный, оставшиеся двадцать четыре тысячи доставались им с подельником. Позвонили у дверей. Напротив глазка стоял незадачливый хозяин денег. Дверь долго не открывали, но на настойчивый звонок, наконец, подошли и стали до тошно расспрашивать через закрытую дверь, рассматривая через глазок. В конце концов дверь открылась, и как только это случилось, все трое ввалились в квартиру, он с подельником приставили к животу должника два пистолета и в течение часа выпрхнули из него двадцать шесть тысяч, как он утверждал, всю наличность, имеющуюся дома. Черт с тобой, плюнули, ушли. Что есть, то есть, возвращаться за остатком в таких делах было нереальным. Хозяину денег дали восемь тысяч (тот втайне был очень обрадован, потому что вовсе не надеялся в последние час-полтора, что такие крутые ребята могут ему вообще что-нибудь вернуть), оставшиеся деньги он с приятелем поделили на двоих. Подобных дел в последнее время в этом богоспасаемом

городе было множество: одна половина города, как говорили шутливо, задолжала другой половине и деньги не отдавали, или не могли, или не хотели, и кто умел, находили бесстрашных парней, чтобы вернуть свои деньги у бессовестного должника, если только были уверены, что деньги у того есть и он намеренно не возвращает. В таких делах, где требовались решительность и смелость, умение брать горлом, угрожать и шантажировать, естественно, нельзя было расслабляться, потому его и злило, бесило даже, когда вдруг ни с того, ни с сего прилипали, как говно, какие-то непонятные, пустые видения, мечты и прочая чепуха, которую уж никак нельзя было бы превратить в деньги, разве что став писателем, да и то в последнее время, он знал это от своего приятеля, работавшего в редакции газеты - писатели жили хуже нищих, за что по старой, укоренившейся за долгие десятилетия привычке благодарили правительство... Однажды он увидел во сне кусочек из жизни Фуада, мечтателя и неудачника. Приснилось ему, что... Но что ему нужно было в жизни брата, такой теперь далекой от его жизни, где ему на каждом шагу везло, где он без особых усилий мог заработать кучу денег, которую брат его даже вообразить не мог, где все было у его ног, красивые женщины, возможность утонченных удовольствий, что же могли себе позволить другие; тогда что ему нужно было в той, непостижимой для него жизни брата-близнеца?... И тем не менее, приснилось ему, что он опоздал на работу на пятнадцать минут и начальство распекает его как второгодника, и тут же еще один сон: он - студент и должен сдавать экзамен по геологии и ни черта не знает, не готов... Он проснулся среди ночи в холодном поту, сел в постели, закурил, стараясь отдышаться, успокоиться. Ощущение страха во сне перед требовательным начальством и экзаменаторами было до того реальным, будто он когда-то и в самом деле переживал все это: и экзамены сдавал в институте и работал где-то, где боялся начальства как огня. Откуда это взялось, думал он, торопливо, нервно выкуривая сигарету, ведь в его жизни не было такого, ни в институте он не учился никогда, ни на работе не вкалывал, а что касается геологии - он даже не слышал, с чем это едят, а что касается распекающего начальства, то положил он на подобное явление с прибором. Тогда откуда же взялось, почему он так ярко все чувствовал, как будто когда-то пережил, будто знакомо?... Да... Нет ответа... Слава богу, что минула меня чаша сия, думал он, не то жил бы я сейчас таким же червяком, что и Фуад: работа - дом - дотягивание от зарплаты до зарплаты, вечная боязнь вышестоящего начальства, вкалывание на износ, редкие, сомнительные, кислые удовольствия, однообразные, диктуемые безденежьем, периодическое уничтожение порывов души и сексуальных страстей, как у всех бедных людей. Бр-р-р... Это не по мне, подумал он. К тому же брат такой неудачник, что не приведи бог... Но почему этот сон? Откуда? Он докурив сигарету и, так и не найдя ответа на этот вопрос, снова спокойно заснул, как и делал обычно, махнув рукой на все непонятное, непостижимое и послал его подальше...

Внезапно матери сделалось хуже, был сердечный приступ, вызывали "скорую", в результате уложили ее в больницу с ишемией сердца. Он нашел лучшего кардиолога, что еще оставался в городе (все известные врачи-евреи давно уехали и жили по-человечески вдали от

этого некогда родного для них города, который теперь им было бы трудно узнать), достал лучшие лекарства, нанял медсестру, сиделку для матери, хотя сам все дни и ночи в это время не отходил от ее койки в больничной палате. Отлучался только ненадолго, чтобы купить продуктов и медикаменты, которых, вполне естественно для бакинских больниц, не было в наличии, несмотря на то, что по телевидению только и трубили о гуманитарной помощи республике со стороны той или иной страны - вся гуманитарная помощь с большим успехом и не менее большим опытом разворовывалась. Воровство и взяточничество, как чума, разъедали в последние несколько лет общество, и он, зная это, как человек, выросший среди ублюдков, готовых все продать, ничему давно уже не удивлялся, а соответствовал - моментально, не торгуясь, давал столько, сколько у него просили. Денег он не жалел, лишь бы мама выздоровела. В эти дни с ним что-то происходило, он стал заметно мягче, сердечнее, сделался ласковым, говорил с матерью понимающим тоном, так что однажды она, пребывая в полусонном, полубессознательном состоянии, даже сказала ему:

- Ты стал совсем другим человеком, Азад. На себя не похож, ласковый, добрый, хороший сын... Надо было мне давно умереть, чтобы ты так изменился...

- Ну, то ты, мама, - сказал он, вдруг ощутив на щеках льющемся слезы, - что ты такое говоришь, родная? Ты будешь жить еще долго, дай бог.

- Нет, - сказала она тихо, очень буднично, как просят передать хлеб за столом. - Я умираю.

И это было правдой. Через две суток она скончалась во сне, без особых мучений и стонов. Он был подавлен горем. Сознание того, что он как сын ничего не сделал для нее при жизни, терзало, уничтожало его, и тогда, может впервые, он понял, какое он ничтожество. Когда первая, самая сильная, удручающая волна горя прошла, он решил навестить после ее смерти то, что не было сделано при жизни матери. Через своих богатых и влиятельных друзей-игроков он вышел на знаменитого скульптора, заказал ему памятник своей мамочки, принес ему груды фотокарточек, показал свои любимые, не торгуясь заплатил все сполна (никакого аванса, мэтр, деньги вперед), хоть сумма была отнюдь немалая. Сейчас, после смерти матери, с которой он так редко, урывками виделся, он почувствовал вдруг огромную, невосполнимую пустоту: с родными он почти не общался, настоящих друзей, готовых выслушать и посочувствовать, у него не было, жены и детей - тоже, и он полетел сломя голову в эту пустоту, теряя по пути все то человеческое, что еще держалось в душе его при жизни матери, что удавалось тогда сохранить и что особенно ярко проснулось и проявилось во время краткой болезни матери в больнице. Похоронив мать и отдав ей сыновний долг в сорокадневные поминки, он еще глубже, еще страстнее, как накануне конца света, ударился в разгул: игра, женщины, пьяный дебош, драки, шумные застолья в дорогих ресторанах, огромные чаевые, расшвыриваемые официантам. И с каждым днем все больше завязал, все глубже уходил, утопал в этой будоражащей кровь жизни.